

Живет в Витебске (Беларусь). Визитная карточка участника.

Лётчица

Тесно собаке в комнате, в старом промозглом хосписе.
Голуби в лунном омуте песни поют о космосе,
Мухи влетают в форточку: «Хай» тебе от поклонников!»
Ангелы чешут мордочки, сидя на подоконниках.
Смотрит на всех растеряно, зависть во взгляде вышита.
Кажется - не растение, а не взлетишь повыше-то!
В ухе свербит высотами, хочется в небо коршуном.
Пчёлкой жужжать над сотами тоже ей не положено.
«Кто он великий выдумщик, "Главный над эскадрильями?"
В хоспис его бы вытащить, вдруг нарисует крылья мне.
Боль заберёт нечаянно (счастье когда-то было ведь).
Ноги вернёт хозяину, дело за малым – выловить!
Значит, прорваться к выходу, лапы в пути изнашивать.
Ангелы с жиру пыхают, вот бы хлебнули с нашего.
Толстыми стали, ленными! Эх, проморгали прошлое...
Нынче-то здесь, за стенами, служба им стоит дешёво.
Чёрт с вами, спите, толстые. Вам не поднять хозяина.
Помню, бежала вёрстами, в небо смеялась, лаяла...
Таял хозяин куполом, белой снежинкой ласковой;
В зиму летели кубарем, резали снег салазками,
Падали в реку буйную, шторм побеждали аховый,
Пели под шестиструнную, чай разбавляя сахаром.
Ангелам было весело, резвыми были, жаркими.

Двадцать второго вечером в пух разодрались ангелы,
Сгинули той же полночью. Не было двое суток их.
Скоро пять лет исполнится случаю с парашютами...
Спят, не летают год уже. Крылья примерить хочется.
В самую пору, то-то же! Станет собака лётчицей.
Тссс, погодите, что-то здесь... что-то не очень правильно...
Спите, не будьте жмотами. Ноги бы для хозяина».

Над перелеском, хатами, над одинокой хижинкой
Выла стихи хвостатая, верная, тёмно-рыжая.
Жалась к больному, гордому, грела крылами пыльными.
Сказку слагал за городом "Главный над эскадрильями".

Настя

Газета «Красная звезда», страница восемь:
На двадцать танков – пистолет и десять ружей.
Сегодня Настя снова чёрта ждёт на ужин,
Бюстгальтер с летнего плеча сползает в осень.
Знобит, коробится внутри, дождит слезливо,
Нашла от прошлого ключи, взглянув под коврик.
Жених - безусый лейтенант, не подполковник.
Сменить коньяк с Алиготе на спирт и пиво,
Гулять от взгляда до любви, и душу – в клочья,
Сегодня тело – шоколад, кипеть в экстазе.
Пускай заблудший старый лес поёт Настасье,
И чёрный город, приобняв, целует сочно.
Пускай державные кресты гудят молитвой,
Горячей кровью над свечой густеет пламя.
Судьба поджала куцый хвост, объевшись днями.
Так что наивно распыляться, друг мой ситный.
В беде всесильны, как всегда, одни лишь черти,
В беде глухие небеса помочь не смогут.
Всё, что просила, расцвело полночным смогом,
Не достучаться до небес мне бабьим сердцем.
Там наверху жируют, пьют, гуляют, спят ли?
Для них одиннадцать ребят – пустая строчка...
Нет больше в тексте запятых, поставим точку.
Всё, что зовётся пустотой, живёт навряд ли.
Почто, скажи ты мне, живых людей - под танки?
Любых богов мой подполковник стоил дюжин!

Сегодня Настя снова чёрта ждёт на ужин,
А к ней опять, в который раз, приходит ангел.

Византия

Он готовит чертовски смачно,
Ароматами плавит ноздри,
Шутит он о хазарах остро,
Головой задевая мачты.
Пьёт горячий (покрепче) кофе,
Смотрит, будто стреляет в тире.
Он зовёт тебя Византией:
Утону мол в твоей «любофи».
Мол, сорвусь со стены и - мордой,
Красотой обожгусь вовеки.
«Раньше видел ты свет сквозь веки,
Свет, по нашему, третьесортный.
Да куда нам с эдемским садом?
(Отбивные вон, с пылу с жару)
Это, брат, тебе не хазары,
Сдохнешь заживо, ляжем рядом.
Жизнь ясна, если смерти густо,
Идеально чиста у гроба!
Не любил так и, слышь, не пробуй,
Есть мужские похлеще чувства.
Не за то мы судьбой платили,
День за днём проходя сквозь сито.
Жаль из дома тебя, паразита,
Отпускать к твоей Византии.
Не спасу, не осудишь строго
Апосля, как сойдёшь в граните?
От земного я, брат, хранитель,
Византия, она - от бога.
Бог же вертит и так, и эдак,
Режиссирует, морда рыба...»

Он плюёт, поправляя крылья,
Мой далёкий славянский предок.
Он взлетает, упёртый рогом,
Вечный бой для него - порядок,
И сверкают двенадцать радуг
Над ведущей к тебе дорогой.

